

Вера СЛАВСКАЯ.

К спасателям в Котласе уже привыкли. Каждый знает, что в сложной ситуации достаточно набрать 0-55, и парни в спецкомбинезонах немедленно приедут на выручку. Тем не менее, служба эта еще достаточно молодая, причем не только у нас, но и в масштабах страны. Поэтому спасателям, как и всем первопроходцам, помимо профессионального совершенствования, приходится преодолевать множество трудностей, связанных с администрированием, финансированием, соответствием законам государства. Накануне выпуска этого номера нашему корреспонденту довелось встретиться с начальником Архангельской областной службы спасения Игорем Афанасьевичем Поливаным. Беседа оказалась интересной, и сегодня мы представляем нашим читателям главного спасателя области.

– В Котлас на сей раз вас привела аттестация наших сотрудников службы спасения. Как оцениваете результаты?

– Неплохо. Служба растет, развивается. Усложняется оборудование, а соответственно и задачи. Радует, что ребята постоянно учатся, хотя это и не просто в местных условиях – регион находится далеко от наших высоких технологий.

С одной стороны, это даже хорошо. Чем меньше мегаполис, тем реже чрезвычайные происшествия. Здесь нет, например, реакторов, других очагов возможной радиационной опасности, поэтому и подготовка к таким работам не требуется. Профессиональный уровень спасателей прежде всего должен соответствовать потребностям района расположения, а с этой задачей котлашане справляются. Буквально за час до нашей встречи впервые решено присвоить звание спасателей третьего класса троим котласским служащим. Не аттестован только один человек, но это укладывается в наши прогнозируемые среднестатистические показатели.

– То есть у вас существует прогноз на профнепригодность?

– Совершенно верно. При отборе кандидатов на вакантные места, несмотря на тестирование, ошибки неизбежны. К нам чаще всего идут за романтикой (срабатывает героический образ, созданный СМИ), а на самом деле ежедневно сталкиваются с грязной, неприятной работой, требующей большой самоотдачи. К тому же постоянно приходится обучаться, тренироваться, сдавать зачеты, экзамены. Примерно через полгода случайный человек понимает, что это не его профессия. С такими приходится расставаться, потому что в нашей работе нет места небрежности: страховочный узел и тот надо завязать талантливо – от этого зависит жизнь не только человека, попавшего в беду, но и того, кто ему помогает.

– Каковы критерии оценки профессионализма спасателей?

– В зависимости от региона они различные. Пока в РФ невозможно всех привести к единому знаменателю. Есть, конечно, незыблемые требования, которые выдерживаем очень жестко. Но если в Котласе почти нет, к примеру, гидравлического или пневматического оборудования (цену самого простого комплекта в 500 тысяч рублей не потянуть ни одному местному бюджету), то мы о нем ребят и не спрашиваем. Хотя в идеале спасатель должен его знать.

Вообще для спасателей нет даже ГОСТа по подготовке. Если у пожарников существует перечень требований, которые они должны выполнять, то у нас нет никаких инструкций. Даже процесс профессиональной подготовки мы разрабатываем сами. Обучаемся тоже собственными силами. Все построено на взаимном сотрудничестве и практике.

– Сколько еще существует в Архангельской области служб, подобных нашей?

– Кроме областного центра, две – в Северодвинске и Мирном. Содержание спасательных служб – удовольствие очень дорогое, поэтому до сей поры они появились только там, где в органах самоуправления работают достаточно прогрессивные люди (хотя инициатива принадлежала нам самим). Правда, новый закон о самоуправлении прямо предписывает администрациям создание такой структуры. Причем содержание пожарной охраны тоже ляжет на местные бюджеты, а это по сравнению со спасателями дороже на несколько порядков. Поэтому, полагаю, нас всех ждут нелегкие времена.

Взаимоотношения с местными администрациями – вопрос сложный. Если в городе все складывается более или менее благополучно, то районы ни в какую не хотят участвовать в финансировании спасательных работ. Мы предлагали разные схемы: содержание одного-двух человек, оплату фактически выполненных работ и даже просто небольшие ежегодные вливания. Но все впустую. Отношение к спасателям потребительское. Зная о том, что мы все равно выедем, если случится беда,

главы районных администраций этим пользуются, ничего не давая взамен. Кстати, так в первую очередь проявляется их отношение к людям.

– А как в других регионах?

– По-разному. В Северодвинске, например, даже с городским обслуживанием проблемы. Служба работает с 9 утра до 21 вечера, а количество принятых вызовов в день в несколько раз меньше, чем в Котласе. Все потому, что городская администрация буквально противостоит работе спасателей. А город там многолюдный, насыщенный различными производствами. Трассу Северодвинск – Архангельск вообще называют «дорогой смерти», настолько часто там случаются ДТП.

Это наводит на определенные размышления. Вы знаете, американцы все любят переводить в твердую валюту. Они подсчитали, что потеря одной человеческой жизни наносит государству прямой материальный ущерб в размере семидесяти тысяч долларов. Наши статистики применили ту же схему (подсчитали расходы на медобслуживание, пособия, обучение, различные страховки, льготы) и, как ни странно, получили такой же результат. Однако человека в нашей стране никто не считает материальным ресурсом. Цинично? Не более чем принятая формула, что жизнь бесценна, а значит, не стоит считать потери, если она оборвалась.

– Кстати, о материальной стороне. Насколько мне известно, у спасателей невысокие заработки, полагаю, даже на уровне области. Что удерживает в этой профессии?

– Так сложилось, что вся моя жизнь связана с экстремалом: скорая помощь, центр медицины катастроф. Я не сторонник теории преимуществ загробной жизни, поэтому для меня «сделать природу», спасти человека стало потребностью. В такие моменты испытываешь чувство, которое уже невозможно забыть. А служба спасения – это просто еще одна ступень развития. Только своими руками много не сделаешь. Другой разговор, когда работает целая система.

Вместе с единомышленниками создавали эту службу в области, причем в тяжелое время (это был 1998 год). Люди по полгода не получали зарплату, питались тем, что удавалось раздобыть. Собирали грибы, делились овощами со своих огородов. Пришлось даже запретить на время работу в противогазах и других средствах защиты, потому что спасатели элементарно недоедали. Сегодня, слава богу, такие крайности позади, хотя проблем еще хватает.

– И что сегодня больше всего осложняет жизнь?

– Пожалуй, то, что мы работаем вне правового поля России. Наша служба находится еще в зачаточном состоянии, но развивается гораздо быстрее, чем законодательство. Трудовой кодекс предусматривает только эпизодическое привлечение работника к ликвидации чрезвычайных происшествий, а у нас это уставная задача. Значит, и режим работы должен строиться совершенно иначе. Сегодня же вопросы переработки никак не учитываются. Мы не можем прогнозировать свою заработную плату, потому что не знаем и не можем знать наперед, последствия скольких и каких происшествий придется ликвидировать. В результате приходит к нам инспектор по труду и наказывает начальника службы за сверхурочные, которых за год накапливается по 300 часов. Но как мы можем отозвать людей с работы, если они вытаскивают пострадавших из-под развалин рухнувшего дома, или отказать родственникам в поиске пропавшего в лесу человека, потому что не укладываемся в нормы рабочего времени, предусмотренные законом? А «потеряшек» только прошлым летом у нас было по 12 человек в день.

Наши люди не получают льготную пенсию, потому что, несмотря на статус, таковую законодательство гарантирует исключительно спасателям МЧС, а мы в эту структуру не входим. Все, что пытались предпринять на уровне правительства, не нашло отклика, потому что МЧС в этом не заинтересовано. Сотни спасенных жизней и работа сутками не в счет.

– Несмотря на достаточно высокую оценку знаний котласских спасателей, руководитель службы Кирикова говорит о последнем экзамене с ноткой неудовлетворенности. Как думаете, почему?

– Это нормально. Начальник всегда должен быть недоволен достигнутым уровнем, иначе на развитии подразделения можно ставить крест. Ирина Анатольевна создавала в вашем городе службу спасения с ее первых дней. Честно говоря, не надеялся, что она вытянет это дело, выстоит. Оглядываясь назад, я и сам-то сомневаюсь в том, что решился бы еще раз проделать тот же путь. Но сегодня обратной дороги уже просто нет. Поэтому будем двигаться вперед. Не люблю высоких слов, но полагаю, что мы нужны людям, и это главное.